

Шестая глава из «ЧЕРНОЙ КНИГИ КОММУНИЗМА»

СССР С 1923 ПО 1936 ГОД

Это первое не художественное, а именно историко-публицистическое исследование чудовищных преступлений коммунистических режимов в разных государствах и, прежде всего, в России. Книга написана зарубежными историками. Издана во многих европейских странах огромными тиражами. Только во Франции ее тираж составил 300 000 экземпляров. Переведена на 31 язык. На русском языке книга вышла в издательстве «Три века истории».

(...продолжение, начало в №№85-92)

ВЕЛИКИЙ ГОЛОД

В прошлом месяце тюрьма Балашово «возвратила» в Елань 78 заключенных, среди которых было 48 человек моложе десяти лет. 21 человека они немедленно отпустили. ... Для завершения разговора об этом превосходном методе хозяйствования, единственном, который здесь используется, — методе насилия — два слова о крестьянах-единоличниках, в отношении которых делается все, чтобы они прекратили сеять и убирать пшеницу.

Следующий пример может продемонстрировать, в какой степени крестьяне-единоличники находятся во власти террора: в Морци один крестьянин-единоличник, который выполнил свой план на все 100%, пришел на встречу с товарищем Фомичевым, председателем исполнительного комитета данного района и попросил выслать его на Север, так как он не сумеет больше жить в таких условиях.

С подобной петицией, под которой стояло шестнадцать подписей, обратились в Александровский сельсовет крестьяне-единоличники, пожелавшие быть высланными за пределы своего района... Единственной формой массовой агитации остается «нажим»: «нажимом» берут по-севную, кредиты, выращивание скота, на работу идут как на «штурм» и т. д. Ничто не делается без «нажима»... Заседают ночью с 9-10 вечера до зари. «Нажим» происходит следующим образом: комиссия сидит в избе и вызывает по очереди всех, кто не выполнил такое-то обязательство или план и убеждает различными средствами выполнить эти обязательства. Таким образом, работают буквально с каждым человеком из списка каждую ночь».

В арсенал репрессий попал и знаменитый закон от 7 августа 1932 года, изданный в момент наиболее напряженного противостояния власти и крестьянства; он сыграл немалую роль. Закон устанавливал осуждение на 10 лет лагерей или смертную казнь за «кражу и расхищение колхозной собственности». Этот закон народ прозвал законом «колосков», так как согласно этому закону могли быть наказаны и те, кто собирали на колхозных полях оставшиеся после уборки колоски ржи или пшеницы. Закон позволил осудить в период с августа 1932 по декабрь 1933 года более 125 000 человек, из которых 5 400 было приговорено к смертной казни. Несмотря на принятые draconовские меры, зерно никак не собиралось в нужных количествах.

В середине октября 1932 года общий план главных зерновых районов страны был выполнен только на 15-20%. 22 октября 1932 года Политбюро решило послать в

Украину и на Северный Кавказ две чрезвычайные комиссии, одну под руководством Вячеслава Молотова, другую под руководством Лазаря Кагановича с целью «ускорения хлебазаготовок».

2 ноября комиссия Лазаря Кагановича, участником которой был и Генрих Ягода, прибыла в Ростов-на-Дону. Тотчас было созвано совещание всех секретарей парторганизаций Северокавказского региона, по окончании которого была принята следующая резолюция: «В связи с постыдным провалом плана заготовки зерновых, заставить местные парторганизации сломить саботаж, организованный кулацкими контрреволюционными элементами, подавить сопротивление сельских коммунистов и председателей колхозов, возглавляющих этот саботаж».

Для некоторого числа округов, внесенных в черный список (согласно официальной терминологии), были приняты следующие меры: возврат всей продукции из магазинов, полная остановка торговли, немедленное закрытие всех текущих кредитов, обложение высокими налогами, арест всех саботажников, всех «социально чуждых и контрреволюционных элементов» и суд над ними по ускоренной процедуре, которую должно обеспечить ОГПУ.

В случае, если саботаж будет продолжаться, население подвергнуть массовой депортации.

В течение только одного месяца «борьбы против саботажа» — ноября 1932 года — 5 000 сельских коммунистов, обвиненных в «преступном сочувствии» «подрыву» кампании хлебазаготовок, были арестованы, а вместе с ними были арестованы еще 15 000 колхозников важного сельскохозяйственного района, коим является Северный Кавказ. В декабре началась массовая депортация не только отдельных кулаков, но и целых деревень, в частности, казачьих станиц, уже подвергавшихся в 1920 году подобным карательным мерам. Число спецпоселений, таким образом, стало быстро расти. Если в 1932 году, по данным администрации ГУЛАГа, прибыли 71 236 спецпоселенцев, то в 1933 году был зарегистрирован приток в 261 091 чел.

На Украине комиссия Молотова приняла аналогичные меры: началась регистрация округов, где план заготовок не выполнен, в «черном списке» оказывались многие из них со всеми выше отмеченными последствиями: чистой местных партячек, арестами не только колхозников, утаивших часть своего урожая, но также и колхозных руко-

водителей, занижающих доходы коллективного хозяйства. Вскоре эти меры распространились и на другие зернопроизводящие регионы страны.

Могли ли эти репрессивные меры помочь государству в войне против крестьянства? «Нет, никак», — отмечал в своем донесении весьма проникательный итальянский консул из Новороссийска.

«Советский государственный аппарат, предельно вооруженный и мощный, находится перед фактом невозможности победы в одном или нескольких сражениях; враг, в данном случае, не сконцентрирован, он разбросан, и аппарат изматывает силы, осуществляя много мелких операций: здесь, например, не прополото поле, там укрыли несколько центнеров пшеницы; тут не работает один трактор, другой трактор сломан, третий, вместо того, чтобы работать, куда-то уехал.

Далее следует отметить, что амбары, где хранят зерно, разграблены, бухгалтерский учет в большом и малом плохо ведется или фальсифицируется, а председатели колхозов из страха или по небрежности не говорят правды в своих отчетах. И так далее и до бесконечности на этой огромной территории! ... Враг, его ведь надо искать, переходя из дома в дом, из деревни в деревню. А это все равно, что носить воду дырявым черпаком!» Таким образом, чтобы победить врага, остается лишь одно решение: оставить его голодным.

Первые сообщения о возможной критической ситуации в снабжении продуктами зимой 1932-1933 годов пришли в Москву летом 1932 года. В августе 1932 года Молотов рапортовал в Политбюро, что «существует реальная угроза голода в районах, где всегда снимали превосходный урожай».

Тем не менее, он же предложил выполнить во что бы то ни стало план хлебазаготовок. В том же августе председатель Совнаркома Казахстана Исаев информировал Сталина о том, до какой степени голодно в республике, где коллективизация сочеталась с попыткой сделать оседлым традиционно кочевое население, в результате чего традиционное хозяйство было дезорганизовано.

Даже ярые сталинисты, такие как Косиор, первый секретарь Компартии Украины, или Михаил Хатаевич, первый секретарь Днепропетровского обкома, попросили Сталина и Молотова урезать план хлебосдачи. «Для того, чтобы в будущем сельскохозяйственная продукция могла бы действительно соответствовать нуждам пролетарского государства, — писал Хатаевич в Москву в ноябре 1932 года, — мы должны принять во внимание хотя бы минимальные нужды колхозников, а то вообще будет некому сеять и убирать урожай».

Вынужденные под угрозой пыток сдавать все свои скудные запасы, не имея ни средств, ни возможностей покупать что бы то ни было, миллионы крестьян из самых

богатых в Советском Союзе сельскохозяйственных регионов остались голодными, не имея при этом никакой возможности выехать куда-нибудь в город. 27 декабря 1932 года правительство ввело общегосударственный паспорт и объявило об обязательном прописке городских жителей в целях ограничения исхода крестьянства из деревень, «ликвидации социального паразитизма» и остановки «проникновения кулаков в города».

Столкнувшись с бегством крестьян в города с целью «выживания», правительство отправило 22 января 1933 года циркуляр, в котором, фактически, приговаривались к смерти миллионы голодных. Подписанный Сталиным и Молотовым, этот циркуляр предписывал местным властям и, в частности, ОГПУ запретить «всеми возможными средствами массовое отправление крестьянства Украины и Северного Кавказа в города». После ареста «контрреволюционных элементов» другие беглецы вернутся к местам прежнего жительства.

Циркуляр объяснял ситуацию следующим образом: «Центральный комитет и правительство имеют доказательства, что массовый исход крестьян организован врагами советской власти, контрреволюционерами и польскими агентами с целью антиколхозной пропаганды, в частности, и против советской власти вообще».

Во всех областях, которые поразил голод, продажа железнодорожных билетов была немедленно прекращена. Были поставлены специальные кордоны ОГПУ, чтобы помешать крестьянам покинуть свои места. В начале марта 1933 года в донесении ОГПУ уточнялось, что только за один месяц 219 416 человек были задержаны при попытке уехать в ходе операций, призванных ограничить массовое бегство крестьян в города. 186 588 человек были возвращены на места проживания, многие арестованы и осуждены. Но в докладе замалчивалось то состояние, в котором находились вынужденно покидавшие свои места крестьяне.

Как продолжение этой темы, интересно свидетельство итальянского консула из Харькова, города, находившегося в самом центре охваченных голодом районов. «За неделю была создана служба по поимке брошенных детей. По мере того, как крестьяне прибывали в город, не имея возможности выжить в деревне, здесь собирались дети, которых приводили сюда и оставляли родители, сами вынужденные возвратиться умирать у себя дома. Родители надеялись, что в городе кто-то займется их отпрысками... Городские власти мобилизовали дворников в белых фартуках, которые патрулировали город и приводили в милицейские участки брошенных детей... В полночь их увозили на грузовиках к товарному вокзалу на Северском Донце.

(продолжение следует...)